

**ИДЕЯ ПОТЕНЦИАЛА В НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ:
от «человеческого потенциала» к личностному**
Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьев, А.В. Плотникова

В предыдущей главе были заданы методологические основания включения категории возможного в ряд центральных категорий психологии. Данная глава посвящена более подробной характеристике роли и места сферы возможного в человеческой жизнедеятельности, без которой нельзя обосновать и ключевое для данной монографии понятие потенциала в контексте психологии личности. Ее задачей является историко-методологический анализ введения в психологию понятия потенциала в различных его вариациях (человеческий потенциал, психологический потенциал, личностный потенциал, частные потенциалы), а также содержательно близкого ему понятия психологического капитала.

**Возможное как объект
осмысления в психологии**

Наша жизнь, утверждал Хосе Ортега-и-Гассет, состоит прежде всего в сознании наших возможностей. «Жить — это значит пребывать в кругу определенных возможностей, которые зовутся “обстоятельствами”. Жизнь в том и заключается, что мы — внутри “обстоятельств”, или “мира”. Иначе говоря, это и есть “наш мир” в подлинном значении этого слова. “Мир” не что-то чуждое нам, вне нас лежащее; он неотделим от нас самих, он — наша собственная периферия, он — совокупность наших житейских возможностей... Мир, то есть наша возможная жизнь, всегда больше, чем наша судьба, то есть жизнь действительная» (*Ортега-и-Гассет*, 1991, с. 131).

Возможное существует в мире наряду с фактическим, и существенно расширяет этот мир. «Главная черта пространства возможностей состоит в том, что оно содержит больше, чем существует в реальном физическом мире, потому что последний представляет собой ограниченное подмножество в этом пространстве» (*Эшби*, 1966, с. 317). Вместе с тем мир возможного обладает тенденцией к расширению своего присутствия в мире человека; это происходит почти на наших глазах. М.Н. Эпштейн убедительно демонстрирует масштабы стреми-

тельного расширения сферы возможного, считая также, что можно говорить не просто о потенциальности как таковой, но о «потенциации самой реальности, ее постепенном историческом переходе в другую модальность» (Эпштейн, 2001, с. 230). Под потенциацией М.Н. Эпштейн предлагает понимать «возрастание степеней возможного в самой реальности, процесс превращения фактов в вероятности, теорий — в гипотезы, утверждений — в предположения, необходимостей — в альтернативные возможности» (там же, с. 231). Впечатляющим примером потенциации, или «овозможения», реальности является повседневное существование большинства людей в современной западной цивилизации. В страховке, например, «я плачу заранее за свои возможные несчастья: болезнь, аварию, безработицу, скоропостижную смерть или увечье. В кредите мне оплачивают возможные формы благополучия: дом, машину, телевизор... Но и положительные и отрицательные стороны жизни оказываются сплошь условными с точки зрения экономики, которая основана на статистике, подсчете вероятностей, а не на однократности случившихся фактов. В современном обществе реальность так же исчезает, как в физике», — резюмирует М.Н. Эпштейн (там же, с. 235).

В отличие от фактического, возможное направлено в будущее и определяется через него. Оно представляет собой росток будущего в настоящем. К. Левин в своей классической статье «Определение “поля в данный момент времени”» (Левин, 2000, с. 239–250) показал, что будущее (как, впрочем, и прошлое) обладает для нас психологической реальностью постольку, поскольку оно в той или иной форме психологически присутствует в настоящем, в «поле в данный момент времени». Можно говорить о целом ряде психологических форм такого присутствия будущего в настоящем, в числе которых страх, тревога, цель и т.п.; возможность является одной из них. Действительно, возможность указывает на то, что в данный момент еще не получило реализации, но может получить ее в будущем, хотя и не гарантированно, — этого может никогда не произойти. С другой стороны, не может получить реализацию в будущем то, что в данный момент невозможно, если эта невозможность не сменится в какой-то момент возможностью. «Чтобы был возможен дождь, необходимо, чтобы на небе были тучи... Конечно, возможное состояние еще не есть существующее; но именно возможное состояние некоторого существования поддерживает своим бытием возможность и небытие своего будущего состояния» (Сартр, 2000, с. 130).

Рост достигнутого влечет за собой умножение неосуществившихся вариантов развития и расширение сферы невозможного (подробнее см. Иванченко, 1998). В широком смысле любой процесс развития состоит не только из роста и совершенствования, но и из потерь и упадка; такой взгляд утвердился, в частности, во всевозрастном подходе в психологии развития (Балтес, 1994). Эти неосуществленные и неосуществимые возможности психологически закономерным образом вызывают защитную реакцию людей и общностей.

Трактовка самосознания как бесконечного стремления восходит к Платону, проходит через всю платоническую традицию христианской философии к утверждению Фихте о том, что сущность человеческого Я есть бесконечное

стремление. В своих желаниях и действиях *Я* всегда встречает границу, препятствие: без такого ограничения, такого чувства конечности не было бы стремления. Но вместе с тем «стремление есть отрицание ограничений, выход за пределы каждой вновь полагаемой границы: и без такого чувства от всякой данной конечности тоже не было бы стремления» (цит. по: *Вышеславцев*, 1994, с. 139). Вряд ли возможно определить, когда — в историческом масштабе — человеческое *Я* приобретает импульс такого рода, стремясь не к чему-то определенному, но к самым пределам возможного. Карл Ясперс само появление человека современного типа связывал с появляющейся в «осевое время» рефлексией человека относительно границ и пределов своих возможностей. Ясперс полагал, что в те времена разрыв между возможностями большинства людей и возможностями отдельных личностей был существенно выше, нежели сейчас (*Ясперс*, 1994). Вполне очевидно, что границы человеческой деятельности задаются и объективными условиями, и личностными особенностями субъекта, например, способностями, мотивацией достижения успеха или избегания неудач в той или иной сфере. В более общем плане само социальное пространство может определяться как «набор возможностей действия» (*Левада*, 1993, с. 41). Способы реализации деятельности, закрепляющиеся в поведенческом поле возможности и шансы, играют важную роль в социальной дифференциации и стратификации. Питирим Сорокин говорил в этой связи о «селекционирующих институтах» и подчеркивал значение характера препятствий, которые эти институты устанавливают для индивидов. Если эти препятствия «злокачественны» и «неадекватны», это ведет к печальным последствиям для всего общества. Если же они адекватны и правомерны, то и социальное распределение индивидов приведет к процветанию всего общества (*Сорокин*, 1992).

Одно из наиболее точных описаний того, как человек «стреноживает», редуцирует возможное, находим у М. Хайдеггера в трактате «Бытие и время»: «Эта нивелировка возможностей присутствия до ближайше доступного осуществляет вместе с тем зашоривание возможного как такового. Средняя повседневность становится слепа к возможностям и успокаивается одним “действительным”. Эта успокоенность не исключает расширенной деловитости озабочения, но возбуждает ее. Воля не волит тогда позитивных новых возможностей, но имеющееся в распоряжении “тактически” видоизменяется таким образом, что возникает видимость каких-то свершений» (*Хайдеггер*, 1997, с. 194).

Жизнь, насыщенная возможностями, ощутимо богаче и событийнее, чем жизнь, сведенная в плоскость актуального существования. Если «на одну единицу реальности приходится все больше возможностей» (*Эпштейн*, 2001, с. 238), культура прогрессирует, — точнее, по М.Н. Эпштейну, в этом состоит трансцендентная сторона прогресса.

Другое важное следствие жизни преимущественно в мире возможного — вынужденность время от времени преодолевать неопределенность. В силу глубокой специализации труда человек должен при этом обращаться к экспертам — носителям высококвалифицированного, порой уникального знания, носителям умения прогнозирования и оценки ситуации в своей профессиональной области.

Отношение общества к экспертизе и экспертам, а тем самым и к возможному будущему, ощутимо меняется по мере того, как социум становится, по известному выражению немецкого социолога У. Бека, «обществом риска». Именно посредством исчисления рисков, считает У. Бек, происходит «управление будущим». Рациональное отношение к риску позволяет переводить конкретные виды риска из разряда непрогнозируемых в разряд планируемых и рационально исчислимых. Всё больше укрепляется понимание, что принятие рисков (и теми, кто их создает, и теми, кто им подвергается) имеет позитивное значение для прогресса общества. Большинство людей пользуется консультациями профессионалов — юристов, программистов, врачей, архитекторов — нерегулярно, но системы, в которые включено экспертное знание, определяют нашу жизнь постоянно. Экспертные системы вместе с символическими знаковыми системами «вырывают» социальные отношения из их непосредственности.

Элиты (инженерные, научные, экономические и т.д.), таким образом, являются носителями специфических знаний, жизненно важных для функционирования не только технических систем, но и систем социальных отношений, возникающих в связи с ними. Отчасти авторитет элит основывается на доверии. Причем часто доверием облакаются не индивиды, не отдельные члены элитарного сообщества, а абстрактные возможности. Доверие к «абстрактным возможностям», видимо, специфично для западной культуры. М.Н. Эпштейн отмечает те сложности, с которыми сталкивается человек, привыкший к «незападному укладу жизни, с его тяжкими реальностями и еще более обязывающими идеальностями», когда перед ним также открывается «непрерывная цепь возможностей, в которой все труднее уловить хоть одно реальное звено» (Эпштейн, 2001, с. 235).

Заметим, что человек, взятый в аспекте его возможностей (более или менее сходных для всех людей), оказывается менее уникальным, чем в аспекте его действительности, его актуальной данности. Каждый из нас, кто хотя бы раз в жизни купит лотерейный билет, может стать обладателем крупного выигрыша; каждый с большой вероятностью сменит не одно место работы; каждый, увы, может стать жертвой техногенной катастрофы, живет ли он в мегаполисе или в поселке, затерянном в глухой тайге. Но уникальной будет именно конstellация результатов «совладания» с множеством своих возможностей.

Наконец, если рассматривать собственно психологический аспект проблемы, то постановка проблемы возможного наряду с необходимым как одного из существенных оснований регуляции человеческой жизнедеятельности позволяет по-новому поставить и в каком-то приближении разрешить дилемму свободы—детерминизма в человеческой жизнедеятельности. С необходимостью действующие в мире законы создают детерминированность человеческой жизнедеятельности во многих ее аспектах, однако уникальность человеческого способа жизни состоит в том, что благодаря рефлексии, самодистанцированию, смыслу и творческому сознанию человек (и только человек) способен существовать не только в измерении необходимого, но и в измерении возможного, строя в нем особую форму причинности — самодетерминацию (подробнее см. Леон-

тьев, 2008). На этой основе оказывается возможной гуманитарная психология, изучающая человека в его взаимодействии со сферой возможного, в то время как психология естественнонаучная исследует его взаимодействие со сферой необходимого (Леонтьев, 2009).

Методологический смысл понятия потенциала в психологии и смежных науках

Таким образом, в последние 10–15 лет гуманитарные науки, и в том числе психология, все больше начинают обращать свое внимание на сферу возможного, занимающую центральное место в современном обществе. Очевидно, что включение сферы возможного в поле интересов психологии требует разработки нового понятийного аппарата; такие категории, как черты, состояния, процессы, индивидуальность, акцентуации, диспозиции и др., оказываются неприменимы к этой новой реальности. Вместе с тем в русле неклассических течений в психологии получили разработку такие понятия, как деятельность, саморегуляция, смысл, временная перспектива, субъектность и др., которые составляют адекватную основу для решения задач нового уровня. В число этих новых и еще недостаточно осмысленных понятий, адекватных для нового витка развития психологической науки, входит и понятие потенциала.

Понятия потенциала, потенции не тождественны понятию возможности, однако содержательно раскрываются через соотнесение с ним. «Потенция в отличие от возможности — есть возможность, обладающая одновременно силой на свое осуществление» (Мамардашвили, 1992, с. 151). Потенция, таким образом, является разновидностью возможности, то есть тоже ростком будущего; вместе с тем, *потенция является самоактуализирующейся возможностью*, которая стремится к своей реализации независимо от отношения к этому субъекта, его рефлексии и выбора. Этим она отличается от *актуализируемой субъектом экзистенциальной возможности*, которая не может стать реальностью иначе, как через самоопределение субъекта по отношению к ней, ее осознанный выбор и принятие ответственности за ее реализацию (см. Сартр, 2000, с. 67–68; Леонтьев, 2009).

Идея изначально заложенных в организме врожденных самоактуализирующихся потенций (potentialities), введенная в конце 1930-х гг. К. Гольдштейном, стала ключевым объяснительным принципом в теориях самоактуализации А. Маслоу и К. Роджерса и во многом определила облик сформировавшегося в конце 1950-х гг. движения гуманистической психологии (см. подробнее Леонтьев, 2002). Процесс разворачивания и раскрытия заложенных потенций описывался в русле этого подхода в терминах «полноценного человеческого функционирования» (К. Роджерс), «самоактуализации» (К. Гольдштейн, А. Маслоу), «самореализации» (Ш. Бюлер), «личностного роста» (К. Роджерс, К. Мустакас). Прикладная ветвь этого движения получила известность под названием «движение человеческого потенциала». По мнению гуманистических психологов,

человеческим потенциалом обладает каждый человек, индивидуальные же различия состоят лишь в степени его раскрытия, или личностной зрелости. Идейным центром этого движения стал Эсаленский институт (США). Как отмечает один из создателей этого института Майкл Мэрфи, человек реализует за свою жизнь лишь небольшую часть того, что потенциально для него возможно, и изучение задокументированных экстраординарных проявлений человеческих способностей за пределами того, что представляется для обычного человека нормой, служит ключом к пониманию направленности и возможностей дальнейшей эволюции вида «человек» (Мэрфи, 2009).

В. Франкл (1990) метко назвал этот подход «потенциализмом», противопоставив его экзистенциалистской позиции, не рассматривающей реализацию возможностей как автоматический процесс: потенциальные возможности намного шире воплощенных, и человек сам решает, чему дать реализоваться, а чему нет (см. подробнее Леонтьев, 1997). Потенциализм оказал большое влияние на психологию личности второй половины XX в., обратив ее внимание на генетические ресурсы человека; вместе с тем, он оказался слеп к тем аспектам человеческих возможностей, которые не относятся к изначально данным, а складываются прижизненно в процессе бытия в мире.

В самом широком и общем смысле потенциал представляет собой силу, проявляющуюся в известных условиях. В обыденном сознании под потенциалом понимается то, что помогает достичь успеха, желаемого уровня жизни или выполнения деятельности; то, что предполагает раскрытие, разворачивание, развитие и т.п. Теоретическое осмысление этой реальности в научных работах пока представлено достаточно фрагментарно и немногим более конкретно, чем в обыденном сознании. Представителями гуманитарных наук потенциал рассматривается как источник скрытых возможностей для достижения целей, как направленность, придающая человеческой жизни ценность и смысл.

Нельзя не заметить, что объяснительный потенциал категории «потенциал» (с уточнениями: человеческий, личностный, профессиональный и т.п.) реализован явно недостаточно. Психологические словари этот термин словно не замечают. Несколько легитимизировалось положение «человеческого потенциала» — ныне одной из наиболее актуальных междисциплинарных проблем, получивших к тому же «мировое признание», отчасти благодаря интеграции с проблематикой «устойчивого развития». Понятие человеческого потенциала «переопределяется», конкретизируется в различных аспектах его изучения: социально-организационном, экономическом, социально-экологическом и экзистенциальном. Сформулированы понятия психофизиологического потенциала (Медведев, Зараковский, 1994), базового, деятельностного, психологического потенциала — как индивидуального, так и популяционного (Зараковский, Степанова, 1998, Зараковский, 2009), профессионального потенциала личности (Манюха, 1995), личностного потенциала (Солнцева, Смолян, 1999; Резник, Смирнов, 2002; Резник, 2007), интеллектуального потенциала (Юдин, 2007; 2008), инновационного потенциала (Клочко, Галажинский, 2009). В авторитетном двухтомнике Союза международных научных обществ, названном «Энциклопедия

мировых проблем и человеческий потенциал», предложено следующее определение: «Потенциал человека — способность индивида к самовыражению, самоактуализации и самореализации... Реализуется потенциал человека в защите таких ценностей, как правдивость, доброта, искренность, красота, оптимизм, справедливость и порядочность, естественность поведения, организованность, дисциплинированность; в постоянном самоусовершенствовании, в результативности, продуктивности деятельности» (цит. по: *Зараковский, Степанова*, 1998, с. 53; *Зараковский*, 2009, с. 119).

Сейчас проблема потенциальных возможностей человека приобрела новое звучание в связи с ростом темпа и разнообразия изменений во всех сферах жизни. Более динамичный мир сегодня побуждает по-новому подходить к решению этой старой проблемы, ставя во главу угла динамические аспекты личности — готовность к желательным изменениям и устойчивость к нежелательным, а новые подходы к личностным характеристикам и их измерению открывают новые перспективы для решения этой задачи. В частности, к числу этих подходов относится позитивная психология — направление в психологии, развившееся в последнее десятилетие, доказывающее несводимость закономерностей позитивного развития человека к устранению проблем и нарушений и задающее новую проблемную область — позитивные состояния, черты личности и социальные институты (*Селигман*, 2006).

Отдельно стоит упомянуть родственное и довольно оригинальное понятие «психологический капитал». Это понятие введено по аналогии как с категорией капитала в экономике, где под ним понимают ресурсы, извлеченные из текущего оборота и перенаправленные на перспективные ожидания (П. Друкер; цит. по: *Csikszentmihalyi*, 2004, р. 95), и с появившимися в последние десятилетия в науках о культуре и обществе понятиями «социальный капитал» и «символический капитал» (П. Бурдьё). Оно разрабатывается параллельно в двух вариантах. Одно понимание психологического капитала введено М. Чиксентмихайи (*Csikszentmihalyi*, 2003; 2004). Эта трактовка основана на идее ограниченного запаса психической энергии, которая, как и любые ресурсы, может «инвестироваться» в одни или другие виды деятельности, которые могут обеспечивать либо непосредственное удовлетворение, либо отсроченные выгоды, а может и «промаываться», не принося ни удовольствия, ни пользы. Пользу Чиксентмихайи в этом контексте рассматривает прежде всего в терминах развития навыков и повышения внутренней сложности. Примером занятий, ведущих к этому, могут служить благотворительная активность, спорт, творчество. Ресурсы внимания и психической энергии, вкладываемые в подобные занятия, обернутся в будущем прибылью, в то время как вложение их в занятия, приносящие непосредственные положительные эмоции, приведет к их потере. Ресурсы, вкладываемые в воспитание ребенка, превратятся в его социальный капитал и облегчат формирование его психологического капитала. При этом Чиксентмихайи подчеркивает, что речь не идет об «отсрочке удовлетворения» в духе протестантской этики; напротив, важно, чтобы занятия, способствующие формированию психологического капитала в терминах овладения более сложными умениями,

несли в себе позитивные эмоции, но при этом требовали приложения усилий (Csikszentmihalyi, 2003, p. 79–80).

Вторая трактовка психологического капитала, получившая в последние годы заметное распространение и популярность в организационном контексте, вводит понятие психологического капитала в прикладном контексте проблемы позитивного организационного поведения, как ответ на вопрос о том, по каким критериям и достоинствам следует в первую очередь проверять и отбирать персонал для успешно работающих организаций (Luthans, Youssef, Avolio, 2007). Психологический капитал определяется в этом подходе операционально, как позитивное психологическое состояние развития, характеризующееся (1) уверенностью в себе, или самоэффективностью, позволяющей прикладывать необходимые усилия для решения сложной задачи; (2) оптимизмом как позитивной атрибуцией текущих и будущих успехов; (3) надеждой как упорством в стремлении к цели вкупе со способностью менять ведущие к ней пути и (4) резилентностью, то есть упругой устойчивостью к воздействию неблагоприятных обстоятельств (*ibid.*, p. 3). Авторы разработали опросник для диагностики психологического капитала, включающий четыре соответствующих шкалы; хотя они подчеркивают, что психологический капитал как целое не сводится к сумме четырех его составляющих и представляет собой объяснительный конструктор более высокого порядка, чем просто очередной набор компетенций (*ibid.*, p. 19), в чем конкретно это проявляется, остается неясным. Хотя авторы сводят к минимуму теоретическое обоснование и осмысление своей модели, на уровне конкретных составляющих модель психологического капитала Ф. Лютанса с соавторами очень близка модели личностного потенциала, предлагаемой в данной книге.

При спорности прямых экономических аналогий, используемых как М. Чиксентмихайи, так и Ф. Лютансом с соавторами, понятие психологического капитала выражает уже отмеченную нами тенденцию движения к понятиям, характеризующим потенциальные возможности личности, которые не являются автоматически срабатывающими механизмами, порождающими неизбежные следствия, а служат ресурсами, находящимися в распоряжении субъекта, который может использовать их разными способами или не использовать никак.

Проблема личностного потенциала в современных науках о человеке

Проблема личностного потенциала, постепенно приходящая на смену проблеме человеческого потенциала, представляет собой современную постановку сравнительно традиционной проблемы психологических факторов и механизмов динамической устойчивости и эффективности деятельности личности в изменяющемся мире. Эта проблема сама по себе не нова; она исследовалась в разном терминологическом оформлении — силы Я, защитных механизмов, совладания, саморегуляции, жизнестойкости и др., и в разных проблемных контекстах — психического здоровья, эффективности труда, стрессоустойчи-

вости, развития личности в онтогенезе, реакции на травму и др. Актуальность этой проблемы в целом постоянно высока, начиная с ее первой теоретической версии — соотношения регулирующего *Я* и энергетического *Оно* (З. Фрейд), поскольку способность человека выполнять задуманное вне зависимости от внешних условий, в том числе в неблагоприятных условиях, является неоспоримой ценностью как во многих областях профессиональной деятельности, так и в повседневной жизни. Само понятие личностного потенциала, отличающееся от гуманистического понятия «человеческого потенциала» акцентом на его непредзаданность, качественное и количественное индивидуальное своеобразие и возможность целенаправленного развития, не является абсолютно новым; в последние годы к нему стали обращаться самые разные исследователи, что также говорит о его актуальности, хотя понимание личностного потенциала далеко от однозначности.

Понятие личностного потенциала было задано, в частности, через его соотношение с человеческим потенциалом, проблема которого разрабатывалась в междисциплинарном аспекте в Институте человека РАН (*Генисаретский, Носов, Юдин, 1996; Келле, 1997; Авдеева, Ашмарин, Степанова, 1997; Человеческий потенциал: опыт., 1999; Человеческий потенциал России., 2002; Человеческий потенциал как критический ресурс., 2007* и др.). В частности, О.И. Генисаретский, Н.А. Носов и Б.Г. Юдин (1996) констатируют исчерпанность и неперспективность понятия «человеческий фактор», плохо поддающегося конкретизации и операционализации. Понятие же «человеческий потенциал», согласно духу русского языка и здравому смыслу, применимо не к отдельному человеку или группе людей, а к большим социальным группам и системам. Поэтому авторы предлагают переосмысление этого понятия применительно к разным «горизонтам» функционирования и развития общества. В частности, в социально-организационном горизонте человеческий потенциал переосмысливается как *человеческие ресурсы*, в экономическом горизонте — как *человеческий капитал*, в социально-экологическом — как *жизненный потенциал* (общая жизнеспособность) и в экзистенциальном, духовно-практическом — как *личностный потенциал* (*Генисаретский, Носов, Юдин, 1996, с. 12*).

Наиболее общий взгляд на потенциал личности предложил в свое время М.С. Каган (1972). Рассматривая личность через призму ее социальной деятельности, он дифференцировал пять основных видов человеческой деятельности и в соответствии с ними выделил различные виды потенциалов личности: гносеологический (познавательный); аксиологический (ценностный); творческий; коммуникативный; художественный (эстетический). Гносеологический потенциал включает в себя такие психологические качества, которые реализуются в познавательной деятельности человека. Аксиологический потенциал личности определяется системой ценностных ориентаций личности в различных сферах жизни. Творческий потенциал определяется способностью к созидательной деятельности в различных аспектах труда. Коммуникативный потенциал определяется возможностями личности в сфере межличностного взаимодействия. Художественный потенциал реализуется в области эстетической деятельности (*Каган, 1972*).

Ю.М. Резник (2007) выдвигает почти столь же обобщенную интегративную модель личностного потенциала человека (ЛПЧ), состоящего из реализованных способностей (актуальных ресурсов) и не востребуемых или нереализованных возможностей (неразвитых способностей, задатков и др.). В структуру ЛПЧ он включает креативный центр личности, репертуар видов деятельности и технические навыки личности. ЛПЧ подразделяется на профессионально-квалификационный потенциал, информационно-познавательный потенциал, организационно-коммуникативный потенциал, духовно-нравственный потенциал и репродуктивный потенциал. Основными инструментами реализации ЛПЧ выступают личностные стратегии, в частности, стратегия жизненного благополучия, стратегия жизненного успеха и стратегия самореализации.

Попытку формализовать понятие личностного потенциала, связав его с понятием успешности социальной адаптации, предложили В.Н. Марков и Ю.В. Синягин (Марков, Синягин, 2000; Марков, 2002), понимающие под потенциалом личности «систему ее возобновляемых ресурсов, которые проявляются в деятельности, направленной на получение социально значимых результатов» (цит. по: Марков, 2002, с. 137). Структурная модель, предложенная этими авторами, предполагает, что «все жизненные достижения личности, зафиксированные в ее биографии, суть внешние проявления ее потенциала и могут служить для оценки его уровня» (там же). Авторы предлагают сгруппировать эти достижения по различным ключевым сферам, составляющим структуру человеческой жизни, по которым и отслеживается реализация потенциала личности. В качестве таких сфер в упрощенном варианте были предложены следующие: здоровье; общение (в частности, общественная работа); учеба; увлечения (обеспечивающие вместе с учебой саморазвитие личности); работа (содержит успехи в области управления, творческие успехи в работе по специальности и социальную оценку трудовых достижений); семья; затраты на социальную мобильность (там же). Под последним компонентом подразумевается более или менее благоприятная стартовая жизненная позиция. Опираясь на число и уровень достижений в различных сферах, авторы предлагают количественно подсчитывать индекс потенциала личности, проявившегося в той или иной жизненной сфере. Ими используется «набор индексов, которые оценивают уровень реализации потенциала по группе стандартных направлений» (там же, с. 137–138). Этот подход характеризуется, во-первых, расширительным пониманием потенциала личности, в который включены, по сути, все ее полезные ресурсы, во-вторых, взглядом с позиции управленца, которого интересует не личность как таковая, а обобщенная картина ресурсов организации и популяции.

Широкую трактовку предлагает также Г.М. Зараковский (2009). Он вводит понятие психологического потенциала человека как ядра качества его жизни, указывая на переклички с такими понятиями, как ментальность и самоэффективность, а также ссылаясь на целый ряд подходов к личности в отечественной и зарубежной психологии. «Первоначально речь шла о психофизиологическом потенциале населения, затем был использован термин “популяционный психологический потенциал”. С 2000 г. используется термин “психологический потен-

циал” в двух вариантах: “психологический потенциал индивида” и “психологический потенциал населения”» (Зараковский, 2009, с. 133–134). Для нашего рассмотрения интерес представляет психологический потенциал индивида (ППИ), определяемый как «система психологических свойств личности, определяющая возможность успешной жизнедеятельности индивида в разных сферах жизни» (там же, с. 135). Автор выделяет разные группы свойств личности, из которых формируется ППИ, в их числе общая активность и установка на достижения, направленность личности, способности и регуляторные качества.

Обобщая взгляды ряда исследователей личностного потенциала, С.В. Величко отмечает, что «с позиций психологии потенциал выступает как психологическое явление, представляющее собой процесс непрерывного самосовершенствования и стремления к достижению вершин личностного, профессионального развития человека и реализации творческих возможностей и способностей» (Величко, 2004, с. 126–127). Общим во всех проанализированных подходах она считает изучение потенциала как активно проявляемого индивидом в окружающей среде ресурса, который формируется под воздействием субъективных и объективных, то есть внутренних и внешних, факторов. Автор отмечает, что «потенциал отдельно взятой личности превращается в социальную ценность через механизмы самореализации» (там же, с. 127), обеспечивая личности более гармоничное взаимодействие с окружающим миром.

В основе этого гармоничного взаимодействия с окружающим миром лежат, по мнению ряда авторов (С.В. Величко, А.Г. Маклаков и др.), способности изменять свои цели и стратегии их достижения в зависимости от изменяющихся условий окружающего мира, то есть способность быть ему адаптивным. С.В. Величко отмечает, что «адаптивный человек способен корректировать свои цели и планы, чтобы использовать новые возможности, а также способен согласовывать противоположные требования: единообразия и разнообразия, стабильности и изменения, адаптации и саморегуляции» (там же). Подобная адаптивная включенность личности в окружающий мир обеспечивается тем, что именно внешний мир является сферой реализации жизненных планов, потребностей и стремлений.

Преломленный сквозь призму адаптации к окружающему миру личностный потенциал «обрастает» новым конструктом, отражающим соответствие или несоответствие психологических характеристик личности общепринятым нормам и условиям окружающего мира; этот конструкт — личностный адаптационный потенциал (ЛАП). Для исследования адаптивности как проявления личностного потенциала А.Г. Маклаковым был сконструирован Многоуровневый Личностный Опросник «Адаптивность». А.Г. Маклаков (2001) выделяет ряд личностных характеристик, которые отличаются относительной стабильностью и во многом определяют успех процесса адаптации в различных условиях деятельности. К ним могут быть отнесены поведенческая регуляция, коммуникативные качества и степень ориентации на общепринятые нормы поведения. По мнению автора, именно они обеспечивают эффективность процесса социально-психологической адаптации, определяют личностный адаптационный потенциал.

Рассматривая потенциал личности как ее адаптацию к общественным требованиям, различные авторы выделяют следующие личностные качества, составляющие потенциал личности или способствующие его реализации: культура системного мышления; культура организационного поведения; коммуникативная культура; умение работать в команде; толерантность; стремление к самообразованию и саморазвитию; высокая профессиональная ответственность; организаторские и лидерские качества; устойчивость к постоянно изменяющимся социальным, психологическим и экономическим факторам; гибкость и креативность мышления; оптимальный стиль поведения; умение представлять свои профессиональные и личностные качества; культура здоровья и здорового образа жизни (Материалы Всероссийского совещания., 2003).

В этой группе определений личностного потенциала содержится скрытое противоречие: с одной стороны, личностный потенциал рассматривается как генерализованная успешность деятельности, с другой — он при этом связан также со способностью адаптации к требованиям конкретного социума. При этом упускается из виду идея о том, что дезадаптация может быть как вынужденной, так и выбранной индивидом (*Калитеевская*, 1997). Иными словами, самореализация не всегда возможна в рамках, налагаемых требованиями успешной адаптации: так, обсуждая проблему творчества, С. Мадди (*Maddi*, 1973) отмечает, что творчество есть всегда привнесение чего-то нового, в то время как задача общества состоит в том, чтобы сохранить некоторый status quo, существующее положение вещей, сопротивляясь нововведениям. В терминах культурно-исторического подхода такая проблема, на наш взгляд, связана с необходимостью разведения понятий социума и культуры. Таким образом, мы считаем необходимым связывать личностный потенциал с самореализацией, однако не во всех случаях самореализация сочетается с успешной адаптацией; напротив, порой она осуществляется за ее счет (см. *Леонтьев*, 2004). Попытку рассмотреть личностный потенциал (не проводя строгого различия с понятием «человеческого потенциала») с позиций самореализации сделал И.И. Ашмарин (1999). На примере биографий почти безвестного строителя Шеваля и прославленного архитектора Эйфеля он показал, что личностный, или человеческий, потенциал составляет ядро личности, минимально подверженное влиянию социальной среды и позволяющее человеку преодолевать сложные ситуации.

Подходы к личностному потенциалу в практической психологии

Часто встречается реклама психологических тренингов, где предлагается раскрыть, развернуть, развить личностный потенциал, под которым обычно понимается эклектичная совокупность волевых качеств, навыков противостояния жизненным трудностям и психологическому давлению, умения находить и принимать решения в нестандартных ситуациях, способствующих адаптации личности в различных жизненных ситуациях и разворачиванию, актуализации

своей индивидуальности. Реализация личностного потенциала предполагает снятие несоответствия между притязаниями человека, уровнем достижений, на которые он рассчитывает, его планами и целями и оценкой им реально достигнутого, между его идеальными и реальными целями, что сопровождается удовлетворенностью деятельностью, предполагает максимальное развитие способностей и совершенствование качеств личности.

Множество имеющихся определений либо туманны и обтекаемы, не позволяют понять специфику личностного потенциала, либо чересчур жестко конкретизируют личностный потенциал через его функциональную спецификацию. Наряду с разнообразием определений, существует множество разнообразных методов оценки личностного потенциала, которые опираются на различные операциональные определения этого конструкта. Личностный потенциал измеряют при помощи анкетных и опросных методик, в ходе индивидуального ассессмента и в ассессмент-центрах, при помощи глубинного интервью и контент-анализа продуктов мыслительной деятельности и т.д. Эти процедуры используются как при оценке кандидатов, так и при аттестации имеющегося персонала, чтобы с опорой на личностный потенциал сотрудника в дальнейшем более эффективно планировать его карьеру.

Вот некоторые из перечней качеств, раскрывающих содержание конструкта личностного потенциала. В оценке личностного потенциала государственных служащих особое значение имеют следующие факторы: «зрелость и ответственность в принятии решений (готовность отвечать за последствия принятых решений, обоснованность и самостоятельность в принятии решений); инициативность (делать больше того, что требуется; действовать, а не искать оправданий; активно и энергично влиять на события); адаптивность (готовность к изменениям; умение изменять способы поведения при изменении ситуации); высокая мотивация к достижению социально значимых целей и поставленных задач» (Сидорова, 2003). В некоторых системах по оценке личностного потенциала соискателя на должности менеджера среднего и высшего звена (например, как в Jensen International & Co) его диагностика дробится на такие составляющие, как лидерский потенциал, потенциал к командной работе, потенциал мотивации, потенциал к самостоятельной работе, потенциал целеустремленности, инновационный потенциал и потенциал исполнителя. При оценке претендентов на стипендию Фонда В. Потанина (ХК «Интеррос») личностный потенциал составляют лидерские качества, высокий интеллект, целеустремленность, умение нестандартно мыслить, организаторские способности. Видно, что все эти перечни опираются не на какую-либо теоретическую модель, а на практический опыт и здравый смысл. В этом и сила, и слабость этих подходов: сила — в неслучайности выбора компонентов, а слабость — в возможности оценить их актуальный уровень, но невозможности объяснить их формирование и предсказать динамику.

Ряд подходов связывают личностный потенциал с успешностью осуществления индивидом той или иной деятельности. Например, коммуникативно-личностный потенциал, по мнению В.Н. Куницыной, — это комплекс свойств,

облегчающих или затрудняющих общение, на основе которого формируются такие интегральные коммуникативные свойства, как психологическая контактность и коммуникативная совместимость, он является основным стержнем социального интеллекта (Кунцына, Казаринова, Погольша, 2001). В.М. Погольша считает, что личностные свойства лидера совпадают с комплексом социально-психологических характеристик, являющихся «потенциалом» субъекта, успешно оказывающего личное влияние. Комплексом коммуникативно-личностных свойств, составляющих потенциал субъекта, по мнению авторов, являются: легкость общения, навыки общения, адаптивность, уверенность, активная позиция во взаимодействии, мотив достижений, аффилиация, понимание собеседника и социальный интеллект (*там же*).

Похожим образом определяется профессионально-личностный потенциал: авторы понимают под ним соответствие профессиональной реализации потенциала личности требованиям, предъявляемым человеку его профессией. Такие требования фиксируются в виде профессиограммы (см., например Романова, Суворова, 1990; Маркова, 1996). Реализация личностного потенциала в профессиональном аспекте предполагает достижение личностью определенного уровня развития как в операциональной сфере профессии, так и личностном плане.

С успешностью самореализации в учебной деятельности связывает понятие личностного потенциала И.И. Белякова (2003). По ее мнению, успешной самореализации личности студента, раскрытию его потенциальных способностей в процессе обучения может способствовать развитие у него определенных личностных качеств, таких как волевые качества, рефлексия, осознание своих целей и возможностей, освоение навыков самопознания и саморегуляции. Необходимым условием развития личностного потенциала И.И. Белякова считает достижение личностной идентичности и принятие себя. Чем выше уровень развития личности, тем большим потенциалом она характеризуется. Т.В. Черняновская, Ю.В. Шептицкая и Е.В. Костенко (2004) выявили, что степень адаптивности студентов, которую можно рассматривать как личностный потенциал, зависит от четырех основных личностных характеристик: уровня самооценки и самопринятия; особенностей эмоциональной сферы; особенностей поведения и способности к эмпатии.

Общим для всех отмеченных подходов является то, что личностный потенциал определяется операционально через успешность самореализации в той или иной деятельности и нередко сводится к набору способностей и навыков, способствующих осуществлению этой деятельности. При этом в понятии «потенциал» акцентируется, что это в основном еще нераскрытые способности, которые подлежат выявлению и включению в деятельность с целью более полной самореализации субъекта в ней. Иногда в рассмотрение включаются некоторые личностные особенности, неспецифичные для конкретной деятельности, однако их роль вторична. Подобный способ определения личностного потенциала может оказаться практически полезным, однако смысл понятия «личностный потенциал» оказывается здесь суженным до предпосылок успешности определенной деятельности; во всех этих случаях понятие «потенциал деятельности (общения, обучения)» было бы более уместным.

Заключение

В данной главе мы обсудили постановку проблемы человеческого и личностного потенциала в психологии и смежных науках, связав ее с возрастающим смещением фокуса внимания психологии со сферы необходимого на сферу возможного. Проследив исторические тенденции, мы пришли к выводу о том, что идея потенциала личности представляет собой закономерное порождение современного уровня развития наук о человеке. Интеллектуальный, творческий, личностный потенциал — особого рода возможность, которая, реализуясь, все время сохраняется как возможность дальнейшей деятельности.

В настоящее время, однако, эта идея еще не обрела очертания строгой концепции и остается, по сути, не более чем полезной эвристикой. Вместе с тем, она оказывается крайне актуальной, заполняющей очень важный пробел в понимании механизмов взаимодействия человека с миром, и ее систематическая разработка относится к числу приоритетных задач. Далее будут подробно представлены некоторые другие подходы к рассматриваемой проблеме и, в частности, базовая для нашего подхода концепция, связывающая понятие личностного потенциала с психологическими принципами и моделями саморегуляции.

Литература

- Авдеева Н.Н., Ашмарин И.И., Степанова Г.Б. Человеческий потенциал России: факторы риска // *Человек*. 1997. № 1. С. 19–33.
- Ашмарин И.И. «...Сладостное и всегда новое удовольствие...» // *Человек*. 1999. № 3. С. 170–185.
- Белякова И.И. Факторы, препятствующие реализации личностного потенциала студента и его успешной интеграции в процессе обучения в ВУЗе / Вторая Всероссийская Internet-конференция. «Потенциал личности: комплексная проблема» (с изданием и рассылкой материалов). 2003. Тамбов. www.tsu.tmb.ru.
- Балтес П.Б. Всевозрастной подход в психологии развития: исследования динамики подъемов и спадов на протяжении жизни // *Психол. журн*. 1994. Т. 15. № 1. С. 60–80.
- Величко С.В. Роль личностного потенциала в процессах социальной реадaptации // *Перспективные информационные технологии и интеллектуальные системы*. 2004. № 1 (17). С. 126–130.
- Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса / Вступ. ст., сост. и коммент. В.В. Сапова. М.: Республика, 1994.
- Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г. Концепция человеческого потенциала: исходные соображения // *Человек*. 1996. № 4. С. 5–21.
- Зараковский Г.М. Качество жизни населения России: психологические составляющие. М.: Смысл, 2009.
- Зараковский Г.М., Степанова Г.Б. Психологический потенциал индивида и популяции // *Человек*. 1998. № 3. С. 50–60.
- Иванченко Г.В. Социокультурное пространство как пространство возможностей: объективное и субъективное измерения // *От массовой культуры к культуре индивидуальных миров: новая парадигма цивилизации: Сб. статей*. М.: Изд-во Гос. Ин-та искусствознания, 1998. С. 341–356.
- Каган М.С. Морфология искусства. Л.: Искусство, 1972.

- Калитеевская Е.Р.* Психическое здоровье как способ бытия в мире: от объяснения к переживанию // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 231–238.
- Келле В.Ж.* Человеческий потенциал и человеческая деятельность // Человек. 1997. № 6. С. 5–14.
- Клочко В.Е., Галажинский Э.В.* Психология инновационного поведения. Томск: Томский гос. ун-т, 2009.
- Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М.* Межличностное общение: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001.
- Левада Ю.* К проблеме изменения социального пространства-времени в процессе урбанизации // Статьи по социологии. М.: Изд. Фонда Макартуров, 1993. С. 34–49.
- Левин К.* Динамическая психология: Избранные труды / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Ю. Пятевой. М.: Смысл, 2000.
- Леонтьев Д.А.* Что такое экзистенциальная психология? // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 40–54.
- Леонтьев Д.А.* Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 13–46.
- Леонтьев Д.А.* Пути развития творчества: личность как определяющий фактор // Воображение и творчество в образовании и профессиональной деятельности: Материалы чтений памяти Л.С. Выготского: Четвертая Международная конференция. М.: РГГУ, 2004. С. 214–223.
- Леонтьев Д.А.* Причинность и объяснение в психологии личности: от необходимого к возможному // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. 17. № 3. С. 127–142.
- Леонтьев Д.А.* Психология как гуманитарная наука: от дисциплины необходимого к «двухлетней сложности» возможного // Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А.В. Журавлева, Т.Д. Марцинковской, А.В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 95–110.
- Маноха И.П.* Человек и потенциал его бытия. Опыт синтезирования онтологических и психологических познавательных техник. Киев: Стимул К, 1995.
- Маклаков А.Г.* Человек в экстремальных условиях и личностный адаптационный потенциал // Психол. журн. 2001. Т. 22. № 1. С. 16–24.
- Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. 2-е изд., изм. и доп. М.: Прогресс; Культура, 1992.
- Марков В.Н.* Личностные основы социальной устойчивости // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 136–143.
- Марков В.Н., Синягин Ю.В.* Потенциал личности // Мир психологии. 2000. № 1. С. 31–40.
- Маркова А.К.* Психология профессионализма. М.: Знание, 1996.
- Материалы Всероссийского совещания по вопросам формирования социально-психологического портрета будущего специалиста. Ульяновск. 4–5 декабря 2003 г.
- Медведев В.И., Заракровский Г.М.* Психофизиологический потенциал как фактор устойчивости популяции в условиях глобальных изменений природной среды и климата // Физиология человека. 1994. Т. 20. № 6. С. 5–15.
- Мэрфи М.* Будущее тела: исследование дальнейшей эволюции человека. М.: РИПОЛ Классик; Открытый мир, 2009.
- Ортега-и-Гассет Х.* О спортивно-праздничном чувстве жизни // Филос. науки. 1991. № 12. С. 137–152.

- Резник Ю.М.* Личностный потенциал и стратегия жизни человека // Человеческий потенциал как критический ресурс России / Отв.ред. Б.Г. Юдин. М.: Институт философии РАН, 2007. С. 119–125.
- Резник Ю.М., Смирнов Е.А.* Стратегии жизни личности (опыт комплексного анализа). М.: Институт человека РАН, 2002.
- Романова Е.С., Суворова Г.А.* Психологические основы профессиографии. М.: МПГУ им. В.И. Ленина, 1990.
- Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. М.: Республика, 2000.
- Селигман М.* Новая позитивная психология. М.: София, 2006.
- Сидорова М.А.* Научный прогноз эффективности кадров управления как фактор развития региона // Материалы интернет-конференции «Стратегия развития Дальнего Востока России: возможности и перспективы». Хабаровск. 12–13 февраля 2003 г. www.festrategy.ru.
- Солнцева Г.Б., Смолян Г.Л.* Человеческий потенциал: размышления о содержании понятия // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Под ред. И.Т. Фролова. М.: УРСС, 1999. С. 55–61.
- Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова; Пер. с англ. М.: Республика, 1992.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.
- Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Под ред. И.Т. Фролова. М.: УРСС, 1999.
- Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерения / Под ред. Б.Г. Юдина. М.: Институт человека РАН, 2002.
- Человеческий потенциал как критический ресурс России / Отв. ред. Б.Г. Юдин. М.: Институт философии РАН, 2007.
- Чернянская Т.В., Шептицкая Ю.В., Костенко Е.В.* Личностные особенности, способствующие социально-психологической адаптации студентов к ВУЗу // Третья Всероссийская интернет-конференция «Потенциал личности: комплексная проблема» (с изданием и рассылкой материалов). Тамбов. 15–17 июня 2004 г. www.tsu.tmb.ru.
- Эпштейн М.Н.* Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001.
- Эшби У.Р.* Принципы самоорганизации // Принципы самоорганизации. М.: Мир, 1966. С. 314–343.
- Юдин Б.Г.* Интеллектуальный потенциал личности // Человеческий потенциал как критический ресурс России / Отв.ред. Б.Г. Юдин. М.: Институт философии РАН, 2007. С. 126–136.
- Юдин Б.Г.* Интеллектуальный потенциал личности и инновационное развитие страны // Инновационное развитие России и человеческий потенциал молодежи / Отв. ред. Б.Г. Юдин. М.: Институт философии РАН, 2008. С. 5–14.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории / Пер. с нем. 2-е изд. М.: Республика, 1994.
- Csikszentmihalyi M.* Good Business: Leadership, Flow, and the Making of Meaning. N.Y.: Penguin, 2003.
- Csikszentmihalyi M.* Materialism and the evolution of consciousness // Kasser T., Kanner A.D. (Eds.). *Psychology and Consumer Culture: The Struggle for a Good Life in a Materialistic World*. Washington (DC): American Psychological Association, 2004. P. 91–106.
- Luthans F., Youssef C.M., Avolio B.J.* Psychological Capital: Developing the Human Competitive Edge. N.Y.: Oxford University Press, 2007.
- Maddi S.R.* Creativity is strenuous // The University of Chicago Magazine. 1973. Vol. 66, № 2. P. 18–23.